

16.08.05

Рязанев Эльдар

с Николаем Климонтовичем

Комплимент народу

Кино всегда отвечало на потребность людей в празднике

Независимая - 2005 - 16 авг. - с. 12

«Карнавальная ночь», между прочим, – ремейк знаменитого фильма Григория Александрова «Волга-Волга», на что не принято указывать в приличной кинокритической компании. Да чего уж там, в конце 50-х в нашей стране не было ни в речевом обиходе, ни на устах критиков слова «ремейк». Так что и мы оговоримся: скажем, фильм Рязанова был снят «в подражание». Но и это требует доказательств, которые, впрочем, окажутся на поверхности, если посмотреть эти две ленты подряд.

Впрочем, нам здесь интересна лишь тенденция: в крошечные 30-е и в разоблачительные поздние 50-е была одинаково востребована тема праздника. По понятным причинам Орлову заменили на Гурченко, но стареющий Игорь Ильинский в роли бюрократа был сохранен. И главная тема народного таланта и народного ликования – осталась. Причем в «Волге-Волге» ликование это было даже более убедительным. Скажем, придурковатый водовоз радовался тому, что на нем всю жизнь воду возят, причем веселился очень искренне. Такой роли в рязановском ремейке нет.

Народная потребность праздника всегда законна, учитывалась Бахтиным, партией и правительством. Как, впрочем, и потребность в героической трагедии – «Чапаев» или «Щорс». Но здесь интересна разница – сталинская комедия безусловно качественнее выполнена. При более скромных возможностях. Хотя по тем временам бюджет «Волги-Волги» наверняка был

Эльдар Рязанов – это счастливый случай взаимной любви художника и публики.

Фото Артема Чернова (ИГ-фото)

внушителен. Сам тиран, как известно, эту ленту обожал. Вошел в легенду факт передачи копии фильма Сталиным Рузвельту. Тот долго не мог понять, зачем ему прислали эту белиберду, пока ему не перевели смысл песенки «Америка России подарила пароход». Тогда он с англосаксонской простотой понял, что это намек на затяжку с открытием второго фронта («ужасно тихий ход»). Думается, это была плоская расшиф-

ровка. Скорее, Сталин демонстрировал, как умеют в его СССР снимать фильмы, а главное – как весело умеют жить, а потому нужно помочь его стране избежать фашистского мрака.

Из нашего информированного времени кажется, что при диктатуре и культе личности весело жить невозможно. То есть та же «Волга-Волга» – сплошная ложь и пропаганда. Однажды очень известная и весьма немолодая актриса при мне в ответ на

подобные рассуждения обронила: не знаю, не знаю, в то время мы пели песни, сейчас меньше поют... Она была дочерью старого большевика, отсидевшего лет двенадцать. Я ей верю: пели.

Рязанову я верю чуть меньше. Его «Карнавальная ночь» все-таки насквозь условна. Ну, как его же фильм того же времени о дикаре в исполнении Юрского, который сразу же влюбился в советскую действительность. Русская жизнь все-таки очень груст-

на – хотя бы по климатическим причинам. И русское веселье – грустно, поскольку чаще всего – пьяное и не без надрыва. Конечно, в те времена, когда начинал Рязанов, снять что-нибудь схожее с «Особенностями национальной охоты» было невозможно. Но, скажем, Райзману удалось снять «А если это любовь?» – правда, с шумом и истерикой после выхода фильма.

Кстати, Рязанова тоже ругали, запрещали, клали на полку. Это

говорит о том, что его природное жизнелюбие все-таки не было созвучно с весельем, так сказать, пропагандным. Оно было – как бы это сказать – общечеловеческим, то есть абстрактно гуманным, – было такое ругательное клише у коммунистов. Советская цензура была очень чутка и тонка почище любого критика: она понимала, что Рязанов держит фигу в кармане. А вот в насквозь фальшивом фильме «Цирк», например, она этого не ощущала. Девушка из харьковского рабочего предместья тоже

стены, как Довженко или Пудовкин. С этим легко согласиться, сравнив, скажем, Орлову и Ладьюнину. Героини первой принимали самостоятельные и ответственные решения, героини второй разве что решали вопросы сроков сева и выйти ли замуж. Орловские персонажи были оригинальны, выступали из ряда, пырьевские и рязановские же – заурядны, им в каком-то смысле просто повезло.

Все это экранное веселье было призвано заразить, зарядить публику, оно отстаивало опти-

Русская жизнь очень грустна – хотя бы по климатическим причинам. И русское веселье – грустно, поскольку чаще всего – пьяное и не без надрыва

была искренна в «Карнавальная ночь», но холеная Орлова была убедительнее. Она – блистала и усыновляла негритенка так, что многие ей могли позавидовать.

Отдельная тема – «американизм» Александрова, привнесшего в наше кино традицию американской музыкальной комедии. Убедительно это получалось потому, что американская протестантская идеология была не коллективистская, а личностная. И, как это ни странно, сталинское кино подчас бывало именно личностным: и герои были самостоятельны, как Чапаев, и сами художники ответ-

мизм и отказывалось от уныния. Оно говорило, что «все не так плохо», оно утверждало, что наши люди при всей забитости и малокультурности имеют широкое сердце, и та же Гурченко в «Вокзале для двоих» посылала сигнал – «все сбудется». Увы, эта традиция утешения и комплимента зрителю сейчас утеряна, обсмеяна, приобрела формы карикатуры в фильмах Астрахана. Жаль. Потому что уныние – грех, сказано еще в Евангелии. Потому что, как писал Давид Самойлов, «любовь завершается браком, и свет торжествует над мраком».